

2

За долгие годы «Список унижений» неоднократно менялся. Действующая версия содержит следующие пункты: «Смешки», «Ржач», «Злобные подколки», «Не кивнули в ответ» (кивок — стандартная форма приветствия в средней школе Мидлборо), «Не поздоровались в ответ», «Не подали руки», «Публичное отречение от сказанных мне наедине слов», «Отказ повторить шутку» и «Полные кранты» (собирательное понятие). С помощью «списка» я на практике отслеживаю собственный социальный статус. «Список» — мой главный секрет. Приходится внимательно следить, чтобы никто не заметил, как я каждый день ставлю в нем галочки. Ненавижу эти галочки.

Мистер Гретч подходит к доске и пишет на ней «к». «К» в математике — полная фигня. Если видишь «к», можешь расслабиться и заниматься своими делами, мистер Гретч все равно глухой, по-

сколько он — старый хрыч. Так что Дженна продолжает болтать, я — внимательно ее слушать.

— Ну а Элизабет такая: «Куда мы пойдём? Я же не ты, у меня нет машины...» А парни такие, — Дженна понижает голос: — «Ничего, детка, мы прокатим тебя на своем жеребце». И она отправилась с ними! Просто поверить не могу!

Энн придуренно гыгыкает, вытягивая шею, чтобы не пропустить ни единого словечка.

Стоит середина октября, и летние каникулы малость подзабылись. (Самой нашумевшей была история о Джейке Диллинджере, переспавшем с чешской манекенщицей, с которой встречался его отец. Что же, очень может быть. С Джейка станется.) Сейчас в основном треплются о вечеринках и о том, что на носу предварительные экзамены на определение академических способностей. Начинают болтать и о школьном бале по случаю Хеллоуина.

— Я слышала, — говорит Энн, — будто у Брианны намечено целых пять парней. Футболисты, сама понимаешь. Вдруг кто подвернет ногу и не сможет танцевать...

Дженна отвечает ей ледяным молчанием.

— Со мной то же самое случилось в прошлом году. Мой тогдашний парень сломал ногу и приковывал в гипсе и на костылях. Так и танцевали, прикинь! Это было ужасно.

Прислушиваюсь к тому, что происходит вокруг. Марк Джексон со своим другом Джексонем Марксом обсуждают видеоигры. Роб, попеременно ковыряясь в носу, во рту и в ушах (поменять местами он их, что ли, пытается?), решает задачку, скорее всего, по матанализу. Барбери объясняет, что теперь все должны называть его доктором Барбери: он, видите ли, заказал себе докторскую степень по Интернету. Кристин сидит тихо, словно накрытая стеклянным колпаком. Какая же она все-таки хорошенькая!

— Кстати! У Кристин Канильи появился новый обожатель, — произносит Дженна.

Ого!

— Дженна! — предостерегающе шипит Энн. — Он же услышит.

О-го-го! Сижу тише воды, ниже травы. Спокойно, Джереми, спокойно. На девиц я не смотрю, значит, они не могут догадаться, что я их слушаю. Но я всегда слушаю. Я всегда начеку. Кошусь на Дженну. Та смотрит на меня так, словно я лишь слегка интереснее пустого места. Отворачиваюсь.

— Ага, это он, — отвечает она Энн. — Говорят, письмо ей написал.

Никаких писем я не писал! Даже не разговаривал с ней. Не считать же разговором фразу, сказанную в кабинете школьного клуба: «Не нажимай С7, батончики “Нутри грейн” в этом автомате застревают»? Батончики там действительно застре-

вают. Ну не могу я говорить с Кристин! Могу лишь смотреть и думать о том, какая она красивая. Сами знаете, как это бывает. В смысле, у нее светлый ум и хороший характер — короче, то, что полагается иметь девочке, чтобы компенсировать красоту. Однако, будь она злобной идиоткой, все равно осталась бы красавицей, и я бы на нее запал.

— Он странный, — добавляет Дженна.

Ну почему, почему именно сегодня? Погано. У меня в кармане шоколадный «Шекспир». Вроде шоколадных пасхальных кроликов, только «Шекспир». На первой репетиции я собирался подарить его Кристин. Крепко сжимаю шоколадку.

Дженна продолжает что-то шептать, но я уже не слушаю. Прикрыв локтем «Список», ставлю жирную галочку в столбце «Полные кранты». Отдельного столбца для перешептываний за моей спиной у меня нет, так что приходится занести в этот. И тут мистер Гретч спрашивает:

— Джереми, поведай нам, чему равняется угол?

Классика. Прямо как в кино про школьников. В первую секунду мне даже не верится, что это происходит со мной.

Моя тетрадка закрыта. Ею я загораживал «Список унижений». Мои нейроны не деполяризуются (мы проходили это на биологии).

Полные кранты! Второй раз за утро.

3

На большой перемене отправляюсь в столовку на поиски своего друга Майкла Мелла. Майкл никогда не садится на одно место два раза подряд. Он то устраивается внутри, за длинным пластиковым столом, то снаружи, на какой-нибудь изрезанной деревянной скамейке для пикников в окружении садовых скульптур в виде гигантских пчел. Впрочем, Майкла вы ни за что не пропустите: долговязый белый парень с «афро», какое бывает только у белых парней, и огромными наушниками со спиралевидным, как у старых телефонов, проводом. Эти наушники — его «пропуск» куда угодно: хоть к качкам, хоть к задротам, играющим в «Вархаммер», а то и за столик к девчонкам (впрочем, Майкл подсаживается только к азиаткам). Когда у него на голове наушники, никто его не трогает. Ясно же, что человек размышляет о чем-то важном.

— Как дела? — спрашиваю я, подходя к нему.

За обедом Майкл музыку не слушает, ему просто нравится носить наушники.

— М-м-м, — мычит он в ответ, уминая сэндвич с рыбной котлетой и сыром и запивая его шоколадным молоком. — А у тебя?

— У меня проблемы.

Достаю из кармана шоколадного «Шекспира», обернутого в фольгу с узором в викторианском стиле, кладу перед Майклом, сажусь, облокотившись на стол.

— Кажется, я не смогу отдать его Кристин.

— М-м-м, угу.

— Майкл!

— Угу.

— Прекрати, а?

Майкл ухмыляется и выдавливает через щель в зубах рыбно-сырную жвачку. Кусочек шлепается на поднос.

— Наркоман чертов! — хохочу я. — Увидят же.

— Угу. — Майкл глотает, и его кадык ходит туда-сюда. — Ну так что там у тебя? — Он отхлебывает молока, утирает рот тыльной стороной ладони. — Что-то с Кристин? Зассал?

— Ну-у-у, — я даже не прикасаюсь к еде, — вообще все паршиво.

— Что именно? Постой, дай угадаю. Ты сморозил при ней какую-то глупость?

— Да нет, но все, похоже, так считают. А это, сам понимаешь, одно и то же.

— Не-а. — Майкл принимается за апельсиновое мороженое. — «Я сделал» и «люди думают, что я сделал» — это совершенно не одно и то же.

— Болтают, будто я написал ей письмо.

Майкл принимается раскачиваться и напевать:

— «Ты мне — письмо-о-о, я тебе — пе-е-есню...»

Пихаю его в плечо.

— Ты чего?!

— Не надо никаких Weezer, окей?

— Попробую запомнить. — Он складывает руки на груди. — И кто же думает, что ты написал ей письмо?

— Дженна Ролан. А еще она сказала, что я — «новый ухажер» Кристин.

— Ты прям как девчонка. — Майкл встает и выбрасывает объедки в ближайший мусорный бак. — Что обо всем этом думает сама Кристин? Вот что важно.

— Да, ты прав, конечно. Но это не единственное, что имеет значение в такой... ситуации. — Я машу руками для убедительности. — Отдавать ей сейчас шоколадку или нет? Вот в чем вопрос. Не будет ли это выглядеть доказательством, что я ухажер?

— Джереми, — Майкл тщательно застегивает пуговицы на рубашке, — шоколадный «Шекспир» — идея гениальная. Сам посуди: шоколад любят все,

кроме разве что отдельных ненормальных, предпочитающих чипсы. — Он косится на рыжую девчонку за соседним столом, пожирающую чипсы. — А вы с Кристин играете в шекспировской пьесе. Следовательно, ей Шекспир тоже нравится.

— Вдруг она считает меня чокнутым лузером?

Принимаюсь за салат с бобами. Он и так-то был холодный, а теперь кажется еще холоднее.

— Балда. Лучше подумай о том, что ты будешь чувствовать, если не отдашь ей шоколадку. Вот ты сидишь вечером дома и киснешь, понимая, что проворонил свой шанс.

— Пожалуй, ты прав. Я буду чувствовать себя...

Как всегда, заканчиваю фразу мысленно. Так же, как чувствую, когда не могу решиться набрать номер или потанцевать на школьном балу, или не знаю, куда девать руки. Короче, так, как давно привык себя чувствовать.

— ...дерьмово, — произношу вслух.

— То-то же. Значит, надо отдать ей «Шекспира».

— Эй, дылда, присох к бачку, что ли? Подвинься.

Рич. Нарисовался — не сотрешь. Он невысокий, но очень крепкий. Светлые волосы с «гребнем», выкрашенным в красный цвет. Майкл отходит в сторону, и Рич выкидывает в бачок объедки... вместе с подносом. Потом смотрит на нас:

— Ну и чего уставились, ушлепки?

4

Конец дня. Иду по длинному коридору с красиво расписанными стенами. Наша школа — один нескончаемый коридор с входом посередине: с одного конца доносятся эхо и плеск в бассейне, с другого — хлопанье дверей актового зала, куда я, собственно, и иду. В целом все это наводит на мысли о «Великой стене» нью-джерсийского Метачена.

В старших классах (а до них я сделал неплохую актерскую карьеру в средних) я уже играл в «Ты хороший человек, Чарли Браун» и «Буре», чем дважды удостоился похвалы (от мамы). Обожаю школьный театр. Мне нравится оставаться в школе после уроков, учить роль в ванной. Нравится, что за неделю до премьеры тебе кажется, будто ты с треском облажаешься, но в последнюю минуту собираешься с силами. Или что второй спектакль всегда удается лучше первого. Люблю выходить вместе со всеми на поклон: родители встают, козыряя друг перед другом своими цифро-

выми фотоаппаратами, а ты уже взмок в театральном костюме, но это все чепуха — это цена, которую платишь за искусство. И затем... бац — объявляют вечеринку для актерского состава. Я просто без ума от этих вечеринок. То есть я еще ни на одной не был, если начистоту, однако уверен: они здоровские.

— Ты играешь в пьесе? — спрашиваю я у Марка Джексона, садясь рядом.

Марк — мой друг. Ну, или что-то вроде.

— Ага, участвую в этой тягомотине, — отвечает он, не отрываясь от геймбоя. — Напомни-ка, как оно называется?

— «Сон в летнюю ночь». Ты что, не знаешь названия пьесы, в которой играешь?

В действительности мне хочется сказать совсем другое.

— «Сто-о-он в летнюю ночь». Усек.

Я сижу через два кресла от него. Сиденье, похоже, испачкано тем, что остается в презервативе. Ну, не то чтобы я был в курсе... Разве что однажды, когда вошел с презиком перед зеркалом, пытаюсь понять, как оно выглядит со стороны.

— Эй, полегче! Полегче! — говорит Марк.

— Чего?

— Я с игрой разговариваю. Не суй свой нос.

Присматриваюсь к экрану, сунув, как он выразился, свой нос: Марк «ведет» внедорожник по тун-

нелю метро, одновременно стреляя из винтовки по бездомным.

— Не подглядывай, олень! — Марк отдергивает геймбой, рискуя «врезаться» и «промахнуться». — «УВЛ-3» больше ни у кого в школе нет. Хочешь посмотреть — гони пять баксов.

— Что такое «УВЛ-3»?

— «Убей всех людей — 3».

— А...

— Никогда не слышал об «УВЛ»? Ты и вправду олень.

Марк таращится на меня. Сижу молча, глядя перед собой. Через несколько секунд Марк сползает вниз по сиденью с таким видом, будто у меня герпес (ну, или волчанка, точно, волчанка). Встаю и пересаживаюсь на следующий ряд.

— Мать твою, Джереми, нельзя быть таким чмошником.

И в этот момент в зал входит Кристин. Опаздывает, для нее это нехарактерно. Ее взгляд скользит по Марку и, наверное, на миллисекунду, а то и на две останавливается на моей скромной персоне. Черт, когда уже придет учитель?

— Э-э-э... — в дверях появляется мистер Рейес, — э-э-э, всем здравствуйте! Не знаю, заметили вы или нет, но у меня сегодня на редкость мощный фальцет. Бе-е-е!

— Мать его, опять этот слащавый гомик, — бурчит позади меня Марк, а крошечные цифровые человечки со стоном умирают на экране геймбоя.

— Очень рад видеть вас всех здесь. — Мистер Рейес поднимается на сцену и останавливается у микрофона, который ему совершенно не нужен. — Я счастлив, что для моего голоса нашлась столь благодарная аудитория. Ля-ля-ля, ля-ля-ля! У нас подобралась просто великолепная труппа, мы поставим славный спектакль.

Мистер Рейес — учитель английского. Он высокий, худой, гладко выбритый, носит костюм с галстуком.

— Итак, давайте посмотрим, кто у нас здесь. Заодно раздам вам роли. Джереми Хир!

— Я! — Встаю.

— Сиди, сиди. Ты будешь играть Лизандера. Это чрезвычайно важная роль, тебе придется немало над ней потрудиться.

— Спасибо, мистер Рейес.

— Джейк!

Джейк Диллинджер играет в школьном спектакле?! То есть ему мало заниматься в футбольной команде, трахать чешских моделей и возглавлять школьный клуб? Джейк едва приподнимает руку, давая знать мистеру Рейесу, что слышит его.

— Джейк, ты будешь Деметрием. Это вторая серьезная роль. Приготовься много-премного запоминать.

— Классно, — отвечает Джейк.

— Пак! Где мой Пак? Кристин Канилья!

Она сидит в первом ряду, неподалеку от Джейка. Я вижу ее светлые волосы.

— Вы не шутите?! — взвизгивает она. — Я — Пак?

— Да, юная леди. Пак.

— Ур-р-ра! — Кристин подпрыгивает, вскидывая вверх сжатый кулак.

Все (а может быть, только я?) смотрят на нее с уважением или с гордостью пополам с умилением. Когда девчонки принимают прыгать от счастья, как в каком-нибудь телешоу, они такие милые.

— Не радуйся прежде времени, Кристин. У тебя отвратительно длинная роль. Э-э-э...

Мистер Рейес раздает роли Гермии, Елены, Титании, Мотка и прочих. Марку, сидящему позади меня со своим геймбоем, достается роль какого-то переодетого эльфа. Так ему и надо.

— Нучто же, с этим покончено. А сейчас начнем читку. Дамы, возьмите по два стула и принесите их на сцену.

— Чего? — девчонки непонимающе переглядываются.

Оказывается, когда они растеряны, то забавно приподнимают плечи. Сверху мне все видно.

— Почему мы должны таскать стулья? — спрашивает Кристин.

— Несите, несите, дамы. Будем придерживаться взаимовыгодного компромисса, — отвечает мистер

Рейес. — Сегодня носите вы, завтра — джентльмены. Кстати, о джентльменах. Выберите из своих рядов представителя, который сходит в учительскую и попросит разогреть в микроволновке мой сэндвич.

— И он будет делать это на каждой репетиции? — интересуюсь я.

Не хотелось бы вляпаться.

— Нет, Джереми, только сегодня. В следующий раз сходит одна из девочек.

— Ничего не понимаю, — произносит Марк, ставя игру на паузу. — Вы не могли бы объяснить?

— Хм. Значит, так. День первый: девочки расставляют стулья, а мальчики посылают гонца за сэндвичем. День второй: мальчики расставляют стулья, девочки отправляют кого-то за сэндвичем. День третий: все начинаем сначала. Вопросы есть?

Вопросы есть, еще бы! После того как все получают ответы, за сэндвичем бежит пацан по имени Джона. Девчонки расставляют стулья. Мистер Рейес приглашает нас на сцену. Мы садимся в круг (он получился слишком маленьким), словно собираемся играть в «Утка-утка-гусь», но на самом деле начинаем читать по ролям «Сон в летнюю ночь». Да, я уже не малыш. Я ученик старшей школы. Надо не забывать об этом.